

Великий искатель

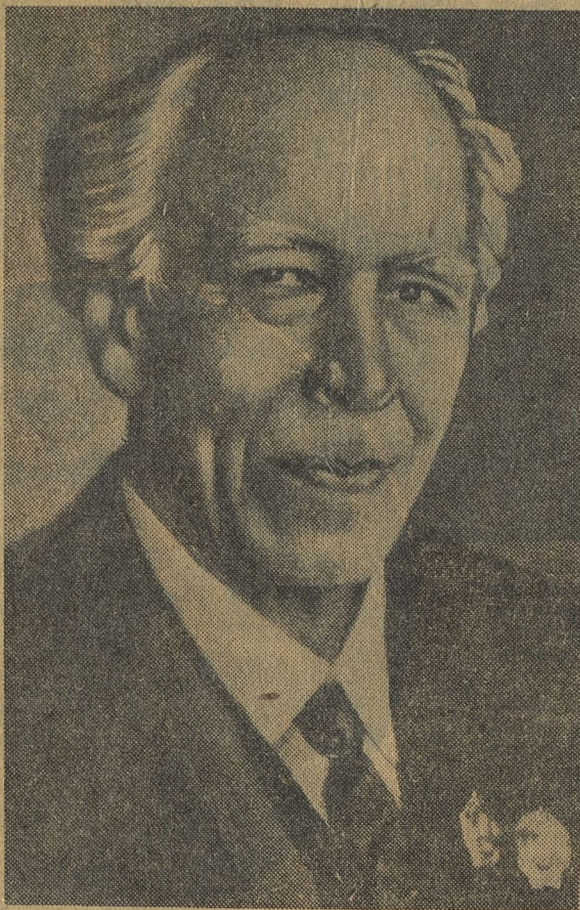
К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

Содержанием, смыслом и целью огромной жизни, прожитой в искусстве Константином Сергеевичем Станиславским, была борьба за нового актера, актера-творца, актера-мыслителя. «Вырабатывайте в себе, — писал он, обращаясь к молодым актерам, — необходимую выдержку, этику и дисциплину общественного деятеля». Всей душой ненавидел Станиславский в актерах потребительское отношение к театру, мелкое профессиональное себялюбие, холодную и расчетливую оглядку на зрительный зал. Он требовал от них самоотверженного и самозабвенного труда, полного, безоговорочного подчинения себя интересам искусства.

Станиславский был создателем лучшего в мире театра, великодушным актером, первоклассным режиссером, но более всего — театральным мыслителем, вдохновенным и неутомимым исканием которого мировое театральное искусство обязано «системой», учением об актерском мастерстве. Это учение стало основой современного актерского реализма. Открытия, сделанные Станиславским в области сценического творчества, сыграли роль не только в биографии тех актеров, которые воспитывались им самим или его последователями. Эти открытия помогли и многим зрелым мастерам как бы заново найти себя. Они помогли постигнуть меру театальной правды в равной степени и актерам, и режиссерам, и драматургам.

В самый канун нашего века Константин Сергеевич вместе с В. И. Немировичем-Данченко вышел на смертный бой против театрального ремесленничества, рутины, штампа. В 1897 году состоялась памятная в истории театрального искусства встреча в «Славянском базаре», где два замечательных человека, пытливых искателя и новатора договорились о создании нового театра. Здесь, в многочасовом, подробном и взволнованном разговоре были намечены контуры творческой программы будущего Московского художественного театра, театра, с именем которого связано сорок лет страстной, неутомимой и доблестной «жизни в искусстве» Константина Сергеевича Станиславского. Его собственный актерский и режиссерский труд, творчество В. И. Качалова, И. М. Москвина, Л. М. Леонидова, В. В. Лужского, О. Л. Книппер и многих других мастеров театра воплощали в жизнь замыслы великого создателя «системы» и послужили основой сделанных им научных открытий.

В. И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях «Из прошлого» рассказывает о том, что В. И. Качалов как-то сказал: «Для актера Художественного театра каждая новая роль есть рождение нового человека». В словах этих удивительно точно сформулирован важнейший принцип театрального мировоззрения Станиславского, художника, для которого не было подлинного театра, не было искусства вообще вне большой и глубокой правды человеческого характера. В противовес искусству «представления», искусству внешнего правдоподобия, «игры в правду» выдвинул он «искусство переживания», искусство проникновения в самое существо человеческого

характера, постижения и воплощения всего сложного психического процесса человеческого существования. Он отверг «внешнюю технику» актерской игры и взамен ее выдвинул понятие «внутренней техники», дающей актеру в руки средства для действительного перевоплощения в создаваемый им характер. Он показал, что внешние выразительные средства, которыми располагает актер, полностью подчинены его внутреннему состоянию и что никакое совершенство голосовых средств, мимики и пластики не выручит актера, если он не сумеет заставить свой психический аппарат жить по законам того характера, который он воплощает. В своей знаменитой статье «О ремесле» он писал о том, что актеры, не владеющие внутренней техникой, неизбежно оказываются во власти штампов, при помощи которых они изображают на сцене в обезображенном и до предела огрубленном виде все человеческие чувства, состояния и действия.

Его творческим девизом было учиться у жизни, а не копировать ее, постигать ее законы, а не воспроизводить ее уже сложившиеся формы. На протяжении всего своего артистического пути он не устал напоминать актерам о том, что внимательное и глубокое изучение жизни, умение ее видеть и стремление ее понять бесконечно обогащают художника и служат неперемным условием его роста и совершенствования. В его режиссерском и педагогическом обиходе огромное место занимали три глагола — **искать, верить и жить**. Искать правду создаваемого им сценического характера, верить до конца в действительность своих сценических поступков и жить на сцене полной жизнью — этого он требовал от самого себя, от своих учеников и от всех актеров — больших и маленьких. Одна из глав его книги «Моя жизнь в искусстве» была названа им «Успех у себя самого». Пожалуй, это был единственный вид успеха, которым он не был избалован, — он был предельно строг к себе и взыскателен к своему искусству. Напряженный труд был его вероисповеданием в искусстве, и актеров, не умеющих работать самозабвенно, изо дня в день всю

жизнь, он не признавал.

Станиславский имел на это право. До последнего дня жил он напряженной, подлинно творческой жизнью, продолжал писать, снова и снова проверять свои выводы, пересматривать старые записи и делать новые. К нему домой приходили актеры, молодые и старые, и он внимательно выслушивал их, поправлял, заставлял снова и снова повторять прочитанное. До последнего своего вздоха он не переставал искать драгоценные крупинки истины, которые, как он твердо верил, могут быть обнаружены только в труде и в опыте.

Невозможно переоценить влияние Станиславского на судьбы театрального искусства. Однажды, обращаясь к своим ученикам, он сказал: «Если бы можно было себе представить идеальное человечество, требования которого к искусству были бы так высоки, что оно отвечало бы всем запросам мысли, сердца,

духа действующего на земле человека, — само искусство было бы книгой жизни». Светлая мечта великого реформатора театра уже сбывается, и на его родине искусство действительно становится «книгой жизни». В то время, как в капиталистических странах мракобесы и шарлатаны превращают литературу и театр в некое усовершенствованное подобие спиритизма, в то время, как умственное изуверство и психическая дегенерация становятся там главной темой всякого рода сенсационных нбес и романов, наше советское искусство мужественно, настойчиво и убежденно утверждает правду созидательной жизни, воплощая все богатство духовного облика советского человека, всю новизну и силу его творческого труда.

Добытое Станиславским принадлежит советскому театральному искусству в целом. В самом характере и целенаправленности его творческих исканий господствовал дух национального русского искусства. Искатель театальной правды, художник огромной глубины и великой человечности, Станиславский воплощал в своем творчестве лучшие черты народа, сыном которого он был. Художественная культура Станиславского — плоть от плоти, кровь от крови, русской художественной культуры, представленной в пантеоне мирового искусства именами Пушкина и Толстого, Глинки и Репина, Сурикова и Чайковского, Чехова и Горького. Станиславскому суждено было стать создателем творческой программы реалистического искусства советского актера. Подобно тому, как целое поколение писателей училось и училось у Горького — великого основоположника социалистического реализма, подобно этому целое поколение актеров училось и училось у Станиславского жить на сцене эмоциональной и интеллектуальной жизнью современного человека. Советский театр — подлинный наследник открытий Станиславского, продолжит его искания, а советские актеры, храня благодарную память о нем, увековечат его труд и его жизнь в образах, в которых будет воплощено все величие нашей сталинской эпохи.

С. ЦИМБАЛ